СТАРОДУБЦЕВА Лидия Владимировна / Lidia STARODUBTSEVA

Украина, Харьков.
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина.
Заведующая кафедрой медиа-коммуникаций. Профессор, доктор философских наук.
Директор Центра медиа-коммуникаций и визуальных исследований.

Ukraine, Kharkov.
V. N. Karazin Kharkov National University. Chief of Media & Communications Department.
Professor, PhD, Director of the Center of Media Communications and Visual Studies

Lethe@ukr.net

TOTAL RECALL vs. DELETE: ПАНОПТИКОН ЦИФРОВОЙ ГИПЕР-ПАМЯТИ

Каков семантический спектр понятия «Гипер-Память»? Рассмотрим две концепции цифровой Гипер-Памяти: два сочинения, увидевшие свет в 2009 году. Первое носит название Total Recall: How the E-Memory Revolution Will Change Everything («Вспомнить все: Как цифровая революция памяти изменит мир»). Авторы — известные пионеры компьютерных наук, несколько лет трудившиеся над проектом True Recall, Гордон Белл и Джим Геммелл, создающие новую технологическую Утопию революции цифровой памяти (E-Memory Revolution). Название второго сочинения — Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age («Удалить: Преимущества забывания в цифровую эпоху»). Автор — американский аналитик кибер-политики и электронной коммерции, профессор Гарвардского университета Виктор Майер-Шенбергер, рассуждающий о том, насколько ценна клавиша Delete и почему именно в цифровую эпоху необходимо препятствовать созданию технологий, которым подвластно все сохранять, ибо сегодня важнее научиться не помнить, а забывать.

Total Recall и Delete — альтернативные интерпретации, по сути, одной и той же гипотезы о всемогуществе искусственной вселенской Гипер-Памяти. Первая учит помнить. Вторая — забывать. Мы поставлены перед необходимостью рефлексии pro et contra. Но отчего бы не попробовать выскользнуть из этой удушливой бинарной логики? Отчего бы не отправиться в поиски «третьего пути», соединяющего противоположности? Во времена паноптикона цифровой Гипер-Памяти одно из самых знаменитых высказываний Людвига Витгенштейна можно было бы, подвергнув небольшой мнемонической редакции, переформулировать так: «о чем невозможно помнить, о том следует забывать».

Ключевые слова: *память, забвение, цифровая эпоха, электронная революция, Гипер-Память, паноптикон.*

Total Recall vs. Delete: The Panopticon of Digital Hyper-Memory

What is the semantic spectrum of the "Hyper Memory" concept? To answer this question, it would be possible, as well as interesting, to consider the two concepts of the Digital Hyper Memory: two essays, published in 2009. The first is the book "Total Recall: How the E-Memory Revolution Will Change Everything" by known pioneers of computer science and authors of the project "True Recall" — Gordon Bell and Jim Gemmell, who have created a new technological Utopia of E-Memory Revolution.

The title of the second book is "Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age". The author of this book is an American cyber-politics and e-commerce analyst — Harvard University Professor Viktor Mayer-Schoenberger, who talks about the value of the "Delete" button, and why, in the digital age, it is more important to learn to forget than to remember.

"Total Recall" and "Delete" are the alternative interpretations of the omnipotence of an artificial universal Hyper Memory hypothesis. The first book teaches us to remember, the second — to forget. We are faced with the necessity of reflection pro et contra. Yet, why not try to slip out of this suffocating binary logic? Why not seek out a "third way" that connects the oppositions? In this digital age of a Hyper Memory Panopticon, it's possible to reformulate one of Ludwig Wittgenstein's famous thoughts: "Whereof one cannot remember, thereof one must forget".

Key words: *memory, forgetting, digital age, electronic revolution, Hyper Memory, Panopticon*

«Больше всего на свете я люблю воспоминания и саму по себе Память — Мнемозину», — писал Жак Деррида в мемуарах о Поле де Мане[1], предваряя свой текст поэтическим гимном матери Муз, сетуя на немощность языка и его неспособность выразить преклонение перед Мнемозиной, предаваясь непозволительной ныне роскоши по-августиновски изумляться неисследимым глубинам Памяти и пытаясь не принимать во внимание грозящий отовсюду бунт против казавшихся незыблемыми монументов культуры коммеморативности. Нет, скорее даже не бунт, а скрытый протест гуманитариев, завуа-

[1] *Derrida J.* Memoires for Paul de Man. Columbia: Columbia University Press, 1989. P. 4. Об этом красноречиво свидетельствуют и сами по себе названия глав этой книги: *Mnemosyne* (P. 1–44), *The Art of Mémoires* (P. 45–88).

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

лированный то в форме контрпамяти воображаемых дискурсов истории Мишеля Фуко, то в виде концепта подвижной коллективной памяти Мориса Хальбвакса, то в аналитических стратегиях поиска зыбких мест памяти Пьера Нора, — тот самый антимнемонический жест, который вынуждает даже мыслителей, до последних времен все еще с классическим респектом относившихся к госпоже Мнемозине, окроплять заголовки своих сочинений каплями летейских вод, к примеру так: «Память, история, забвение»[2].

И в самом деле, к концу XX века смысловой монолит культов памятования, на которых зиждились традиции западноевропейской культуры, заметно пошатнулся, мнемонический лексикон изрядно поизносился, материя и память оказались по разные стороны интеллектуальных баррикад, а в философских ристалищах одержало победу забвение бытия, впустив в сознание какой-то пугающий холодок пустоты и бессмысленности. Заметим, что древнегреческая истина-ἀλήθεια, согласно одной из этимологических версий, буквально означала а-летейя — то, что не канет в Лету, «не-забвение». Сокрытая под толщами уставшей прагматичной цивилизации, алетейя цифровой эпохи все более густо оплетает себя всемирной паутиной и все безысходнее запутывается в ней, порождая (столь же сладостные, сколь и устрашающие) фантомы и фантазмы некой тотальной электронной Гипер-Памяти[3], о которой, собственно и пойдет речь.

Гипер-Память — если ее понимать не как феномен человеческой, слишком человеческой сверхпамятливости в духе казуса Шерешевского[4], а как имперсональный виртуальный архив электронных двойников ушедшей в небытие реальности вселенского тотума, — разумеется, есть не более чем абстрактный конструкт. Гипер-Память электронной эпохи — это уже не та политически ангажированная и донельзя изменчивая «историческая» память, которую изучают апологеты memory studies, и не та основанная на символических сакральных фигурах письменная «культурная» память, протоформой которой служит поминовение мертвых и которую воспевает Ян Ассман[5], но, скорее равнодушная, безместно-повсеместная, мета-историческая кросскультурная память глобализирующегося мира.

Если у памяти есть свои излюбленные «места» и «образы» (loci et images, на чем и основано мнемотехническое искусство), то Гипер-Память оказывается в плену неких неуютных пространств гетеротопий (которые мы могли бы вслед за Марком Оже назвать «ничейными местами», или просто «не-местами», вроде анонимных «топосов перехода», терминалов, переездов, номеров отелей, эскалаторов, конвейеров аэропортов и прочих транзитных пространств безликого урбанистического пейзажа[6]) и гипермедиальных кодов — суггестивных, пластичных, перетекающих друг в друга и беспрерывно меняющих формы мессиджей: текстов, звуков, статичных и движущихся образов, которые то и дело перекодируются, переформатируются, транслируются, дублируются и тиражируются. Безразличные к метаморфозам контента нескончаемых информационных потоков, переполненные «не-места», или «гипер-места», призваны служить вместилищами ненасытной и всеядной электронной Гипер-Памяти.

В чем-то она напоминает редуцированно пародийную версию то ли платоновского мира идей, то ли гностической пронойи, то ли мифологических образов океана пра-памяти, «табличек судеб» или «книг божественного всеведения», в которых уже записано все, что было, есть и будет, — иными словами, тех более чем известных представлений, в которых некогда отзеркаливались извечные чаяния и страхи человека, жаждущего черпать и сохранять свои воспоминания в абсолютной памяти. Deus conservat omnia — «Бог сохраняет все»[7]. Тщась Его подменить, идол электронных коммуникаций предлагает взамен свою версию бессмертия, вроде интернет-кладбищ или оцифрованных двойников человека и его текстов, продолжающих жить в сети post mortem. В таком случае, сложно не согласиться с тем, что сегодняшняя Гипер-Память виртуального элизиума теней, населенного призраками тех, кто давно утратил метафизический оптимизм и искренность веры в анамнесис, мудрость божественного памятования и «всеобщее воскрешение», — не что иное как скучноватый десакрализованный «паноптикон» электронных воспоминаний эпохи цинического разума.

Глобальная сеть, похоже, ставшая тотальной ловушкой памяти для слишком забывчивых (и ловушкой забытья для слишком памятливых), дает немало оснований вновь задуматься о Симониде Кеосском и его странном искусстве ars memorativa (также известном под именами ars memoriae и ars reminiscendi). А еще — о мудром Фемистокле, который, как известно, отверг симонидово изобретение мнемотехники, ибо, по словам Антония, предпочел «науку забывания науке запоминания»[8]. Чему

---

[2] Именно так назывался один из последних фундаментальных трудов Поля Рикера, увидевший свет в переломном 2000 году. См.: *Рикер П.* Память, история, забвение / Пер. с фр. И.И. Блауберг и др. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. — 726 с.

[3] Один из видов ATI технологий носит название *Hyper-Memory* — «Гипер-Память». Думается, из техно-лексикона это понятие могло бы с легкостью перекочевать в пространство гуманитарного знания, став своего рода эсхатологической метафорой сознания — дамокловым мечом культуры под знаком гипертекста и гиперреальности.

[4] Уникальный феномен синэстета С. Шерешевского описан А. Лурией в его знаменитой книжке о сверхпамятливости: *Лурия А. Р.* Маленькая книжка о большой памяти. — М.: Эйдос, 1994. — 96 с.

[5] См., например: *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 54–55. Любопытно, что отнюдь не задаваясь целью исследовать механизмы культурной мнемоники прошлого, а задумываясь над основаниями науки «медиологии» в настоящем, Режи Дебре во многом вторит ассмановскому различению двух видов памяти, коммуникативной и культурной, отличая синхронную «коммуникацию» (повседневную циркуляцию сообщений в некий заданный момент) от диахронной «трансмиссии» — динамики коллективной памяти, передачи базисных знаний и духовных каркасов культуры. См.: *Дебре Р.* Введение в медиологию / Пер. с фр. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2010. — С. 16. Отталкиваясь от этих и им подобных дифференциаций, мы могли бы сказать, что если память традиционных культур вырастает из вертикалей «трансмиссии», то Гипер-Память электронной цивилизации — типичное избалованное дитя горизонтальных «коммуникаций».

[6] См.: *Augé M.* Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity. — London & New York: Verso, 1995. — 132 p.

[7] Как известно, девиз в гербе древнего графского Шереметьевского рода на воротах Фонтанного дома (в южном флигеле которого жила А. Ахматова) гласил: «*Deus conservat omnia*». Этой мудрой надписи суждено было войти в поэтическую традицию от «Поэмы без героя» до И. Бродского: «Бог сохраняет все».

[8] См.: *Йейтс Ф. А.* Искусство памяти / Пер. с англ. Е. Малышкина. — СПб: Университетская книга, 1997. — С. 32.

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

же обучает коварное двойственное искусство под знаком Мнемозины и Леты: помнить (необходимое) или забывать (лишнее)? Говоря старомодным языком, что есть ars memorativa: искусство «удерживать в памяти сущее» или «отсекать не-сущее»? Или и то, и другое? Или ни то, ни другое? В эпоху New Media эти вопросы интригуют отнюдь не в меньшей степени, чем в эллинские времена, впрочем, грозя оставаться по-прежнему заманчиво недоотвеченными.

Любопытным поводом к подобным размышлениям могут послужить два блистательных сочинения, увидевшие свет в 2009 году. Оба посвящены «тотальной памяти» в электронную эру. Оба уже успели стать интеллектуальными бестселлерами и породили шлейф дискуссий. Первое носит профетически пафосное название Total Recall: How the E-Memory Revolution Will Change Everything («Вспомнить все: Как цифровая революция памяти изменит мир»)[9]. Авторы — известные пионеры компьютерных наук, несколько лет трудившиеся над проектом True Recall, Гордон Белл и Джим Геммелл, а предисловие составил ни больше, ни меньше как Билл Гейтс. Название второго произведения звучит игриво, провокативно и даже несколько шокирующе: Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age («Удалить: Преимущества забывания в цифровую эпоху»)[10]. Можно предложить и такой вариант перевода: «Вы действительно хотите удалить этот файл? Добродетель забывания в дигитальную эру». Автор — американский аналитик киберполитики и электронной коммерции, профессор Гарвардского университета Виктор Майер-Шенбергер. Два текста о Гипер-Памяти — два полюса современного ars memorativa. Отчего бы не заострить вопрос распятого между ними глобального сомнения: «вспомнить все» или «удалить»? Total Recall vs. Delete? Однако, обо всем по порядку.

В предисловии к книге «Вспомнить все» Билл Гейтс вопрошает: «Что бы произошло, если бы мы имели доступ сразу ко всей информации, воздействию которой мы подвергались в течение всей нашей жизни?»[11]. Развернутым ответом на этот вопрос и служит книга Белла и Геммелла. Вкратце, концепция Total Recall сводится к описанию новых сетевых технологий хранения и управления личными данными. В более широком смысле, перед нами обоснование радикальных трансформаций памяти человека, органично вплетенной в семантическую паутину Web 3.0 и получившей «искусственное расширение» в форме цифровых устройств записи гетерогенной информации, вкупе с технологиями ее хранения и применением усовершенствованных поисковых систем. Все это, — утверждают авторы, — не будущее, это уже реальность. Осталось разве что совершить еще один шаг — окончательно «выбросить персональную память» в сеть, отдав россыпь ее фрагментов на произвол анонимных каталогизаторов и «бросков костей» непредсказуемой судьбы. Но не значит ли это, — спросим мы, — утратить власть над собственной памятью, сделав ее «открытой», «прозрачной» и, по сути, «имперсональной»?

Авторы очерчивают перспективу Total Recall в восторженных тонах, вторя не то эзотерическим ренессансным концепциям некоего универсального «Театра Памяти», не то захватывающим дух пост-мортальным коллажам ничейных воспоминаний из загадочного Locus Solus Раймона Русселя, не то эйфорическим прожектам времен технологического оптимизма, вроде гипертекстовой машины Memex Вэнивара Буша — того самого, который некогда так страстно ратовал за создание первого в мире «устройства расширения человеческой памяти»[12]. И вот, спустя более чем четыре века после «Теней» и «Печатей» Бруно, спустя около века после Locus Solus и более чем полвека — после эссе «Как мы можем мыслить», Гордон Белл и Джим Геммелл вновь добровольно отдаются в плен очередной мнемонической утопии.

В чем же суть новой утопии? Да и утопия ли то? Ведь авторы без устали повторяют, что E-memory Revolution — революция цифровой памяти — уже началась. Сегодня миниатюрные видеокамеры могут фиксировать каждый шаг человека, диктофоны — записывать перманентный саунд-трек твоей жизни, а фотокамеры — оставлять мгновенные фотоснимки каждого жеста. Кардиомониторы, вмонтированные в одежду, и крошечные аудио- и визуальные регистраторы в состоянии автоматически фиксировать все то, что вы видите и слышите. В E-memory Revolution все и вся поддается сканированию, записи и тиражированию — тексты электронной почты, письма, sms-сообщения, маршруты перемещений, зафиксированные системами GPS слежения, а также данные смартфонов, tweets и вся разнородная информация о человеке, циркулирующая социальных сетях Facebook, MySpace и проч. Когда-то на концертах поднимали зажигалки, теперь — сотовые телефоны с вмонтированными фотокамерами. Сколько их, этих мгновенных следов и подобий мало-мальски значимых событий скопилось в сетевой памяти безбумажного мира? Впрочем, мы гораздо лучше способны «схватить» однократность моментов «здесь и теперь», чем сохранить их. Однако, даже сохранив, потом подолгу не можем найти то, что хотим отыскать. Отчего бы не предоставить программному обеспечению возможность сделать это за нас? — примерно так рассуждают авторы книги «Вспомнить все», а также их читатели и почитатели.

В огромных залежах нашего прошлого, объем которого с каждым днем лавинообразно нарастает, практически невозможно вручную отыскать необходимую информацию. И вот на помощь человеку, который не может не растеряться перед электронным скоплением несметного множества следов ушедшего, приходят электронные же системы поиска. Все эти ма-

[9] *Bell G., Gemmell J.* Total Recall: How the E-Memory Revolution Will Change Everything. — Boston, Mass.: Dutton Adult, 2009. — 304 p.

[10] *Mayer-Schönberger V.* Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2009. — 256 p. Несколькими годами ранее Виктор Майер-Шенбергер опубликовал не менее эпатажную статью на тему электронной забывчивости: «Useful Void: The Art of Forgetting in the Age of Ubiquitous Computing» («Полезная пустота: Искусство забывания в эпоху вездесущих компьютеров»).

[11] *Bell G., Gemmell J.* Op. cit. P. 7.

[12] «Человек построил столь сложную цивилизацию, что он нуждается в механизмах обработки данных, которые уже не вмещаются в его ограниченную память. Его экскурсии в прошлое и настоящее станут значительно приятнее, если он получит возможность забывать некоторые вещи, будучи уверен, что он в дальнейшем легко сможет восстановить свои записи», — писал Вэнивар Буш, обосновывая *memex* как, с одной стороны, машину о-внешенной памяти, а, с другой — как способ забывания. См.: *Bush V.* As We May Think // Atlantic Monthly. — 1945. — July. — P. 101–108: [Electronic resource]. Access mode : http://www.theatlantic.com/doc/194507/bush.

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

гические «протезы» искусственной памяти якобы призваны помочь немощному человеческому разуму справиться с огромными потоками информации, систематизировать, достойным образом упаковать, архивировать и каталогизировать все скопившееся в памяти, чтобы при необходимости воссоздать в мельчайших деталях поминутную историю нашей жизни, отлив ее в более-менее вечные формы и отдав на долгосрочное хранение всеобъемлющей и всеядной цифровой реальности — до востребования.

Впрочем, не стоит ли отказаться от радужных интонаций, в которые облачена концепция Total Recall? Похоже, отныне homo digitalis получает довольно сомнительное преимущество над homo sapiens. Обретение это или, напротив, потеря? Согласно Беллу и Геммеллу, главное «преимущество» E-Memory состоит в возможности создания всеобъемлющих «цифровых дневников», или «электронной памяти», в которой сколь угодно долго может храниться весь хаотический пейзаж человеческой жизни: от закрытых месседжей life logger'a: «журнала жизни», испещренного приватными записями, до открытых посланий life blogger'a: «жизни блоггера», сотканной из миллионов web-сообщений. Достаточно кликнуть мышью, и не только перед тобой, но и перед любым гипотетическим обитателем галактики Google возникнет сад расходящихся тропок — гипертекстуальный двойник чьей-то персональной памяти из сотен тысяч документов, фотографий, аудиофайлов, книг, статей, видео, записей телефонных разговоров etc.

«Мы можем помнить все» — упиваясь пьянящей иллюзией грядущего гипермнемонического пиршества, утверждают Белл и Геммелл. «Забвения не существует» — все, что мы видим, слышим, переживаем, все, о чем мы думаем, чего желаем и боимся — все возможно воссоздать в паноптиконе цифровой памяти. «Но ведь память это и есть душа, ум»[13], не правда ли? И вообще, «мы знаем столько, сколько вмещает наша память»: tantum scimus, quantum memoria tenemus. Но, если так, то чем чревата десубъективизация памяти? Чем грозит ее освобождение от ее же носителя со всеми вытекающими последствиями вроде гибридной идентичности, флексибильности и фрагментации «я»? В каком-то смысле, речь идет о смещении антропологических границ. Белл и Геммелл заботливо предупреждают: изменяется само представление о том, что значит «быть человеком». И эта неизбежная «революция цифровой памяти», — заверяют нас авторы новой мнемонической утопии под названием «Вспомнить все», — сделав прозрачным наше прошлое, радикально изменит наше будущее.

Переформулируем ключевой вопрос адептов утопии Total Recall: «что делать, если человеку нужно вспомнить все?» — в другой, сам собою напрашивающийся: «а зачем все помнить?». Сознание (пост)современного человека не выдерживает давления тотальной памяти: как и две тысячи лет назад, он, скорее, предпочтет науку забывания науке припоминания. И снова отправится на поиски… нет, не утраченного времени, а вожделенного забытья. Просматривая электронные дневники, все эти педантичные и подробные, дотошные и назойливые собрания чьих-то Virtual days и Digital Memories[14] невольно задаешься старинными вопросами, вроде платоновского: для чего же египетский бог Тот создал письменность — для памяти или для забывания? Изменились носители памяти, но суть ее главного телеологического вопроса осталась той же. Электронный дневник. Цифровой двойник ускользающей реальности. Медийный образ уже-не-существующего. Чем служат эти проекции человека, овнешняющие и овеществляющие его сознание, — средством для запоминания или способом избавиться от лишнего?

Пределы бесконечному накоплению памяти — бессмысленному электронному копированию прожитых жизней — пытается установить Виктор Майер-Шенбергер, рассуждая о том, насколько ценна клавиша Delete и почему именно в цифровую эпоху столь важно означить преимущества забывания. Словно бы в противовес Биллу и Геммеллу, автор дискуссионной книги «Удалить» утверждает, что сегодня мы в значительно меньшей степени должны бы беспокоиться о мимолетности наших цифровых записей, чем о том, что они могут сохраниться. Книга полна афоризмов примерно такого содержания: «Необходимо препятствовать созданию технологий, которым подвластно все сохранять», «Сегодня важнее научиться не помнить, а забывать». Ключевые темы рефлексий Майера-Шенбергера — сроки старения цифровой информации; ликвидация последствий информационного изобилия; конфиденциальность, авторское право и защита приватных данных; попытки остановить наводнение сетей никчемными и в будущем совершенно бесполезными файлами; поиск способов избавления от гигантской груды никому не нужных, а порой и опасных деталей прошлого, которое давно ушло в небытие, или скажем так: в за-бытие.

В свое время Ф. Ницше в блистательной манере почти уверил нас в том, что излишки истории вредны для жизни. Сегодня с этим сложно не согласиться. Избыточная память невыносима. «Слишком много памяти», «слишком долго в ней хранятся воспоминания» — разве не таковы причитания всех уставших культур, грезящих о забытьи?[15] Змеи воспоминаний обвивают

[13] Так полагал Августин Блаженный. До него память была лишена субстанциональности, она — всего лишь «след вещей»: *Memoria est signatarum rerum in mente vestigium*. После исповедально-вдохновенной оды памятованию в XI главе «Исповеди» Память обрела свойство богоподобия, и на многие века *memoria* и *mens* стали тождественными. Сегодня мы, похоже, вновь пытаемся их разлучить.

[14] Иногда они собираются в книги — становятся бумажными. Электронная гипертекстуальная словесность, так называемая «сетература», или «кибература», нередко совершает обратный путь: возвращается в мир привычной культуры текста. Уже издаются романы в стиле sms- и e-mail переписки, публикуются коллективные творения чатов, web-конференций, живых журналов и форумов. В чем же тогда их отличие от традиционных артефактов культурной памяти — собраний статей, опубликованных дневников или эпистолярных романов прошлого? И все же различия есть. В усеченном и довольно специфичном лексиконе, в композиции произвольного микширования, в залинкованных сюжетах, в смешении перцептивных кодов. Эпистолярии электронной эпохи будто бы проникнуты дыханием сверхскоростной *on-line* коммуникации. Примером трансформации цифрового гипертекста в книжный текст могло бы послужить издание многолетней коллекции электронных произведений Элейн Залис, от ее приватных записей и научных эссе до излюбленных сюжетов медиа-арта. См.: Virtualdayz: Remediated Visions & Digital Memories by Elayne Zalis. — Create Space, 2008. — 160 p.

[15] Переполненность памятью, избыточность знаний, излишки прошлого. Разумеется, тема не нова. Забытье — извечная жажда старческих культур, сжигающих книги, то ли на варварский манер (эдикт Цинь Ши Хуанди), то ли из благочестивых призывов возврата к истинной вере (костры Савонаролы), то ли избавляясь от опасной памяти и подправляя историю в духе *Damnatio memoriae* (от римских импе-

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

кольцами и нещадно грызут культуру, не давая ей жить и дышать. Но прорастающее из давно осужденного и все же неискоренимого порока гордыни тщеславное стремление записывать и увековечивать наши жизни, наверное, никогда еще не приводило к такому непомерному пресыщению культур памятью, какое демонстрирует так называемое информационно-коммуникативное общество.

Новое тысячелетие инвертирует отношения культуры и памяти; образует иной угол, которым время врезается в вечность; создает другую темпоральность. Суть этих метаморфоз можно выразить очень просто: в цифровую эпоху человек утратил способность забывать. Может, именно поэтому и притягательна концепция Майера-Шенбергера, который щедро делится с читателями своей озабоченностью тем, как избавиться от груза памяти — переписать, вычеркнуть, устранить, удалить, уничтожить те элементы прошлого, которые загромождают наше настоящее. Так некогда мудрые старцы учили «очищать память», освобождать ее, всячески избавляясь от памятозлобия. Вслед за ними Майер-Шенбергер бесконечно кружит вокруг темы «старых обид», на разные лады варьируя мысль о том, что концентрация внимания на травмах прошлого, если размышлять над ними слишком долго, может искалечить наше сознание «здесь и теперь». «Научитесь забывать!» — лейт-мотив всей книги. И это не манкуртов лозунг, а тревожный, вдумчивый призыв — приглашение к размышлению, попытка начать дискуссию. Причем дискуссию отнюдь не абстрагированного характера. Автор готов предложить конкретные правовые и технические способы решения проблем «цифрового воздержания» и «медиа-экологии», обеспечения права на конфиденциальность информации и мн. др. Один из убедительных аргументов поклонника клавиши Delete состоит в следующем: то, что хранится и совместно используется в электронных базах данных, может представлять собой серьезную угрозу для жизни[16]. Ведь контроль над персональной информацией, переданной на хранение электронной памяти, может попасть в чужие руки, оставляя человека немощным перед властью государства, корпораций и любых виртуальных сообществ, обладающих правом на хранение и использование того, что человеку более уже не принадлежит. Так, налоговые инстанции могут контролировать циркуляцию ваших денежных потоков, государственные службы — отслеживать маршруты ваших поездок, а страховые компании, регулярно получая, к примеру, копии аптечных рецептов и отчеты о продажах лекарств, — реконструировать значительную часть вашей медицинской истории и т. д. и т. п.

В то время как становится все легче собирать и хранить информацию о нас и нашем поведении, мы все более и более теряем контроль над нею, и своевольная «оцифрованная память» может сыграть с нами любую, и добрую, и злую шутку. Как только вы — или кто-то другой — выложите свое фото, видео или текст в интернете, вы более не отвечаете за то, где и в каких контекстах они появятся и к чему это приведет. «Нам не дано предугадать…» Мы теряем контроль не только над следами своей памяти, но и над интерпретацией их смысла. Эти случайные записи наших жизней уже отделены от нас, надежно сохранены, но при этом подвержены дроблению и микшированию в любых комбинациях; их можно выложить на youtube, переслать по электронной почте, приписать новое авторство и, если угодно, оставить анонимными. Их можно дописать и отредактировать, как угодно переиначить, а также растиражировать в неограниченном числе копий, каждая из которых отныне вольна отправиться в свое собственное путешествие в пространстве паноптикона цифровой памяти. Вырванные из контекста и непредсказуемым образом истолкованные, возможно, эти искаженные до неузнаваемости следы прошлого вернутся, чтобы оказать на нас какое-то влияние в будущем?

«Мы в конце “истории с убийствами”» — утверждал Умберто Эко, воскрешая в памяти низку ситуаций под лозунгом «это убьет то»: письменный знак — устную речь, печатное слово — рукописную книгу, телеэкран — книгу, дисплей — телеэкран и т. д.[17] Однако «истории с убийствами» в мире медиа продолжаются: блогосфера, интернет-телевидение, мобильные коммуникации и неохватная, распахнутая в бесконечность ризома WWW, где любая точка «здесь и теперь» с невыносимой легкостью может быть увязана с любой точкой «там и тогда», — не несут ли они скрытую угрозу самому существованию «я», растворяющегося в паноптиконе цифровой Гипер-Памяти?[18]

раторов до тоталитарных правителей XX века). Один библиотекарь, описанный Тибором Фишером в «Философах с большой дороги», так ненавидел охраняемое им огромное скопление книг, что готов был их сжечь просто потому, что неспособен был их прочесть. Может, потому сгорали Александрийская библиотека и библиотека-лабиринт из «Имени розы»? К счастью, или увы, оцифрованная память — легковесная и хрупкая — не нуждается в кострах, довольствуясь философией клавиши *Delete*.

[16] Виктор Майер-Шенбергер приводит множество наглядных примеров этакой «вольноотпущенной электронной памяти», приносящей вред ее носителю. Взять хотя бы казус из жизни одного канадского психолога, который опубликовал в журнале научную работу об использовании ЛСД в 1960-х и которому американские чиновники иммиграционной службы, ссылаясь на показания электронных баз данных сети интернет, отказали во въезде в США и объявили опасным потребителем наркотиков. Еще более показательна (и не менее забавна) история Стейси Снайдер, которой отказали выдать свидетельство преподавателя по той причине, что обнаружили на *MySpace* ее фото костюме пьяного пирата.

[17] *Эко У.* От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. Публичная лекция на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 года / Пер. с итал. Е. Костюкович // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 32. — С. 5–14.

[18] Не лишним было бы вспомнить, что изобретение в 1983 году «зеппера», дистанционного пульта переключения каналов, подарившего публике интерактивность и выбор, привело к «смерти нарративности» в искусстве визуальных коммуникаций. А 1989-1993 годы, когда Тим Бернерс-Ли и Роберт Кайо предложили глобальный проект World Wide Web, мы могли бы назвать условной датой рождения феномена «интернет-серфинга» — «привычки сознания» (пост)современного человека к нескончаемому скольжению по мнтернет-сайтам с их лабиринтоподобными структурами «бесконечного ветвящегося гипертекста», что стало эпитафией классическому ментальному дискурсу. Вкусы Гипер-Памяти неприхотливы и неразборчивы, и интернетсерфинг погружает в донельзя захламленный и пронизанный медиавирусами релятивный хаосмос сети, где соседствуют благочестивые проповеди Папы Римского и новости, устаревающие в то же самое мгновение, когда они публикуются, аудиоподкасты, видеоролики, прайс-листы, курсы обмена валют, сводки синоптиков, перечни отелей, любовные признания, лозунги политических экстремистов, виртуальные арт-галереи и брутальные порносайты. Гипер-Памяти так и не посчастливилось превратиться в интеллектуальную сеть Intelnet, это все еще *qui pro quo* — кажущаяся упорядоченной странная мешанина википедий-и-гигапедий цифрового паноптикума.

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

Думается, не ошибкой было бы утверждать, что человеческая память устроена подобно гипертексту: она нелинейна, фрагментарна и произвольна в выборе маршрутов воспоминаний; она релятивизирует время, заставляя его слоиться, кружить и ветвиться[19]; к тому же образы, звуки, запахи, смыслы и прочие элементы ее необъятного содержимого связаны между собою системой гиперссылок — «ассоциаций». И с этой точки зрения, одна из наиболее точных метафор памяти — Всемирная паутина. (Не это ли подразумевал Мануэль Кастельс, говоря о том, что гипертекст существует не вовне, у нас в голове?[20]). Vice versa, сама Всемирная паутина — не что иное как память, вывернутая наизнанку: гигантская, словно бы выплеснувшаяся вовне, сотканная из миллиардов сознаний сверхчеловеческая память. Не случайно вся история создания гипертекстовых технологий в XX веке так или иначе оказалась пронизанной темой тотальной памяти. Ею были захвачены и бельгийский библиотекарь Поль Отле (тот самый, который еще в 1934 создал прообраз сети («réseau») всеобщего знания, Mundaneum, и мечтал «систематизировать весь мир» с помощью обычных каталожных карточек), и Венивар Буш (тот самый, который десятилетие спустя изобрел первую гипертекстовую «машину памяти» Memex), и Тим Бернерс-Ли (тот самый, который придумал Интернет, свои книги-воспоминания об этом открытии связывает с метафорой плетения Всемирной Паутины[21]). Искусство гипертекста есть память, а гипертекст — искусство памяти[22]. Собственно, эта игра мерцающих и переходящих друг в друга смыслов и создает концептуальное поле понятия «Гипер-Память».

Должно быть, риск бездумного погружения в цифровую среду ничуть не меньше риска потери главного при попытке избавиться от второстепенного — выплеснуть вместе с водой ребенка из ванной. Правомочность того, к чему призывает концепция Delete как род изящного интеллектуального дискурса — осторожно фильтровать информацию, отделять зерна от плевел, просеивать память через аксиологическое сито культур, — не вызывает сомнений. Однако кто возьмет на себя смелость не на уровне отвлеченной теории, а в сфере самого что ни на есть живого праксиса устанавливать критерии отбора того, что должно сохраняться в имперсональной Гипер-Памяти? Кому дозволено решать, что можно удалить? Не обернутся ли «экстренные меры борьбы с грузом прошлого в цифровую эпоху» всего на всего очередными идеологическими чистками, цензурными оскоплениями, коррекциями и новым переписыванием истории? Так или иначе, «не забывайте о забывании!» — остроумно подытоживает суть концепции Delete Майера-Шенбергера один из лидеров программы коммуникаций будущего в Массачусетском университете Дэвид Кларк. Было бы нелепо не признать права на существование столь изысканно заостренной позиции современного мнемонического нигилизма.

В основе концепции под названием «Удалить» — идея предельности, ограниченности цифровой памяти, «конечности информации»[23], которую она может вместить. Возможно, это один из ответов на апокалиптические страхи перед энтропийным, безудержным ризоматическим разрастанием Гипер-Памяти, готовой «Вспомнить все»[24]. Затопление безбрежными океанами надындивидуальных воспоминаний, пресыщенность прошлым, переполненность всевозможными знаниями, с одной стороны, и невозможность (а иногда и нежелание) их вместить в ограниченные сосуды индивидуального сознания — с другой. Вот они, два извечных антагониста: страсть все помнить и жажда забытья, кружащие в мнемоническом кольце вечного возвращения, — два соперника в многотысячелетнем поединке под названием «память и забвение», два игрока, ни один из которых так никогда и не одерживает победу над другим. И все же, Total Recall или Delete?

---

[19] В каком-то смысле, вневременные блуждания в топосах памяти напоминают гиперчтение, где мы движемся от одного фрагмента к другому по системе линков, будто всякий раз заново выбираем путь на очередном перекрестке: «Память … подобна перекрестку. То, что мы видим на пересечении дорог, зависит от направления, в котором мы движемся». См.: *Хаттон П. Х.* История как искусство памяти / Пер. с англ. В. Ю. Быстрова. — СПб: Изд-во «Владимир Даль» / Фонд Университет, 2003. — С. 79.

[20] См.: *Кастельс М.* Мультимедіа та Інтернет: гіпертекст поза конвергенцією // *Кастельс М.* Інтернет-галактика. Міркування щодо Інтернету, бізнесу і суспільства / Пер. з англ. — К.: Ваклер, 2007. — С. 188–206.

[21] См.: «Weaving the Web: Origins and Future of the World Wide Web» (1999); «Spinning the Semantic Web: Bringing the World Wide Web to Its Full Potential» (2005). Метафора Всемирной Паутины завораживает амбивалентной игрой коннотаций: созданная как вместилище Гипер-Памяти, «повсеместно протянутая сеть» бесконечно ветвящихся и большей частью никчемных сведений (которые упорно отстаивают свое право на сохранение в тщетной надежде, что, возможно, кому-то когда-то могут внезапно понадобиться) — всех этих нескончаемых едва ли не гринуэевских каталогов избыточных знаний — грозит превратиться в новую вселенную забвения. Что же таится за символом паутины памяти WWW: блеск технологического оптимизма дигитальной эры или меланхолическая грусть утраты? Не та ли перед нами паутина, которая издавна ассоциируется с заброшенностью — запустением — пустотой — смертью — забвением? Впрочем, хотелось бы надеяться, что это не так. Недаром ведь Гераклит с пауком сравнивал Психею, которая плетет паутину мыслей, а в «Упанишадах» можно встретить метафору Паука-Брахмана, который сам из себя извлекает нити и плетет из них наш иллюзорный мир.

[22] Авторы одного весьма симптоматичного исследования под названием «Гипертекст и Искусство памяти», Джанин Вонг и Питер Сторкерсон некогда попытались соотнести классические дискурсы об *ars memorativa* с проблемой метаморфозы самих способов памятования во времена расцвета технологий гипертекста и гипермедиа. См.: *Storkerson P., Wong J.* Hypertext and the Art of Memory // Visible Language. — 1997. — Vol. 31.2. — P. 126–157. Однако это начинание, предпринятое с позиций компьютерных наук, похоже, не было оценено ни гуманитариями — специалистами в сфере *memory Studies,* ни нейропсихологами. Исключением могут служить, разве что, исследования Джефа Хокинса, который проводил аналогии между ветвящимися «дендронами» памяти и иерархически устроенными лабиринтами древовидных структур мозга. См.: *Hawkins J., Blakeslee S.* On Intelligence. — New York: Owl Books, 2005. — 272 p.

[23] *Mayer-Schönberger V.* Op. cit. P. 171.

[24] Один из хранителей фотоархива Лувра как-то решил подсчитать, сколько бы времени понадобилось, чтобы экспонировать все фотографии, которые скопились в «запасниках» (и которые, кроме музейных работников, никто не видит), и ужаснулся: как минимум, двести лет. Что же говорить миллионах книг, кинофильмов, музыкальных альбомов, которые немыслимо было бы прочесть, посмотреть и послушать и за тысячи лет? При всей кажущейся эфемерности и легкости, циркулирующие в сетях гигабайты, терабайты, петабайты, эксабайты, зеттабайты и йоттабайты цифровой культурной памяти оказываются не просто тяжеловесным, но и воистину неподъемным ментальным грузом, несоизмеримым с вместимостью сознания человека и — хронологически — угрожающе беспредельным в сравнении со скоротечностью его жизни.

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.

Несложно догадаться, что перед нами оппозиционные версии, альтернативные интерпретации, по сути, одной и той же гипотезы: о немощи и всемогуществе искусственной вселенской Гипер-Памяти. Две книги, опубликованные почти одновременно (с разницей в три дня[25]), на излете нулевых. Обе прокладывают исследовательские тропы в будущее тысячелетие (с осторожной оглядкой в прошлое). Обе посвящены размышлениям над пределами и беспредельностью цифровой памяти. Одна из них является своего рода панегириком цифровой всепамятливости. Другая исполнена панического ужаса перед ее безбрежностью. Первая учит помнить. Вторая — забывать. Мы поставлены перед необходимостью рефлексии pro et contra. Но отчего бы не попробовать выскользнуть из этой удушливой бинарной логики? Отчего бы не отправиться в поиски «третьего пути», соединяющего противоположности? Во времена паноптикона цифровой Гипер-Памяти одно из самых знаменитых высказываний Людвига Витгенштейна можно было бы, подвергнув небольшой мнемонической редакции, переформулировать так: «о чем невозможно помнить, о том следует забывать».

[25] Дата публикации *«Delete»* — 14 сентября, а *«Total Recall»* — 17 сентября. Так, между одой забвению и упоением перспективой тотальному воспоминанию пролегает дистанция в три дня — всего-то три дня в бездне сомнений и поисков смысловых очертаний концепта вселенской электронной памяти, своего рода три дня пребывания Ионы цифрового бессмертия во чреве кита отчаяния, мифические три дня между «распятием» и «воскресением» грезы о «паноптикуме памяти» дигитальной эры.

© Издательство «Эйдос», 2011. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2011. For Private Use Only.